

Хасин Владимир Викторович

СПОСОБЫ ФОРМИРОВАНИЯ "РИТУАЛЬНЫХ" МОТИВАЦИЙ В РОССИЙСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВЕКОВ: "ЛЮЦИНСКОЕ ДЕЛО"

В работе исследуются социальные, правовые и конфессиональные аспекты интеграции "ритуальных" мифологем в систему российского судопроизводства. Статья посвящена "Люцинскому делу" - уникальному феномену среди подобного рода громких процессов, где отсутствие нарратива "кровавого навета" компенсировалось мифами религиозной нетерпимости и особенностями семейно-брачных отношений.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/5-2/54.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 5 (19): в 2-х ч. Ч. II. С. 208-211. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

**STATE POLICY IN HISTORICAL AND SOCIAL SCIENCE EDUCATION SPHERE
WITHIN THE NORTH OF WESTERN SIBERIA IN THE 20-30S OF THE XXTH CENTURY:
CHARACTERISTICS OF SOURCES COMPLEX**

Natal'ya Viktorovna Frolova
Department of Social-Classical Disciplines
Surgut State Pedagogical University
frolova_nv@mail.ru

The author presents the characteristics of sources complex required for the revelation of state policy in historical and social science education within the north of Western Siberia in the 20-30s of the XXth century, pays special attention to certain sources groups use opportunities for the study of basic questions in historical and social science education formation sphere, and determines a number of difficulties that arise when working with sources base.

Key words and phrases: state policy; sources; historical and social science education; north of Western Siberia.

УДК 94(47).082+[347.9:392.24](470+571)

В работе исследуются социальные, правовые и конфессиональные аспекты интеграции «ритуальных» мифологем в систему российского судопроизводства. Статья посвящена «Люцинскому делу» – уникальному феномену среди подобного рода громких процессов, где отсутствие нарратива «кровавого навета» компенсировалось мифами религиозной нетерпимости и особенностями семейно-брачных отношений.

Ключевые слова и фразы: ритуальный процесс; судопроизводство; кровавый навет; конфессия; семейно-брачные отношения.

Владимир Викторович Хасин, к. ист. н.
Кафедра отечественной истории в новейшее время
Саратовский государственный университет
hasin1@rambler.ru

**СПОСОБЫ ФОРМИРОВАНИЯ «РИТУАЛЬНЫХ» МОТИВАЦИЙ
В РОССИЙСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВЕКОВ: «ЛЮЦИНСКОЕ ДЕЛО»[©]**

Кутаисский и Люцинский процессы стали апробацией схем «ритуальных дел» в пореформенном судопроизводстве, закончившейся в XIX веке «Мултанским делом» [1]. Эти судебные разбирательства, непосредственно не затронув классический ритуальный нарратив, сформулированный еще в Велижском и Саратовском «делах», адаптировали принципы формирования доказательной базы в новых процессуальных отношениях [3; 9]. Впоследствии, уже в начале XX века, симбиоз ритуальных текстов и процедура его инкорпорирования в судебный процесс были наглядно продемонстрированы в ходе дела Бейлиса [13]. В Кутаисском процессе междустрочный подтекст носил все элементы «кровавого» навета [8]. «Люцинское дело» представляет собой совершенно новый феномен.

Люцинский процесс (г. Лудза, современная Латвия), состоявшийся осенью 1884 г., еще в большей степени носит фольклорно-романтический характер, чем все предыдущие. 17 ноября 1883 г. из дома Зиммеля Лоцова убежала его служанка Мария Дрич, украв вещей приблизительно на 150 рублей. По следам, оставшимся от саней, было видно, что преступление было совершено Марией вместе с сообщниками, которых первоначальное следствие определило как заезжих воров. Тело убитой нашли 28 марта 1884 года в запруде, недалеко от дома подсудимых. Согласно экспертизе, девушка была задушена, а потом брошена в воду, где и пролежала несколько месяцев. Сразу после обнаружения трупа была выдвинута версия о причастности евреев к этому преступлению [12, с. 35]. По показаниям мачехи покойной и ее соседки, Мария якобы говорила им, что состоит в любовной связи со старшим сыном Лоцовых Янкелем и тот собирается принять православие (М. Дрич была католичкой) и жениться на ней. В день исчезновения Марии в доме Лоцовых было, по различным данным, от 10 до 50 евреев (как потом доказал защитник князь Урусов, они просто бы не смогли там поместиться) [Там же, с. 78]. На этом улики против Лоцовых и заканчивались.

Следствие, а затем и обвинение на процессе практически сразу определили основную версию событий. Воры, которые могли убить ненужную свидетельницу, исчезли из материалов дела. Возникла комбинированная схема преступления. Зиммель не мог позволить сыну принять христианство (а это был единственный способ вступить в брак, так как переход в иудаизм был запрещен законом). Убивать сына (чтобы избежать позора) ему, по мнению следствия, не хотелось. Таким образом, единственным способом справиться со сложившейся ситуацией было убийство служанки. Вот на этом этапе и появилась «ритуальная» подоплека

событий. Она заключалась в том, что если уж необходимо было убивать, то сделать это следовало с наибольшей пользой, т.е. совместить убийство с неким ритуальным действием. Картина происшедшего получилась зловещей, но впечатляющей. Мария Дрич, выбежав из дома за несколько часов до трагедии, успела сказать проходившей мимо женщине, что это ее последняя ночь и евреи ее убьют [Там же, с. 46]. После этого и появилось точно не установленное количество евреев, которые всю ночь в балахонах, при свече, «отбрасывая тени», убивали Марию. Интересно, что прокурор на процессе так и не сформулировал, для чего было нужно ритуальное убийство, заявив, что это не имело к делу никакого отношения. На суде защитой была установлена ложность всех показаний, и присяжные оправдали обвиняемых.

Возник семантически довольно интересный нарратив. Нельзя сказать, что он был абсолютной инновацией. Однако в рамках громкого процесса он прозвучал впервые. Очевидно, что данный прецедент не был связан с употреблением евреями христианской крови. Во-первых, жертва достаточно «возрастная», ей было 22 года. Хотя в XIX-XX веках это не помешало ряду громких процессов, таких как «ритуальные» дела: Дамасское [4], Тисса-Эсларское [14], Виленское [5] и т.д. [15]. Однако в Российской империи в данный период таких прецедентов не было. Во-вторых, никаких хоть как бы напоминающих «кровавый ритуал» повреждений на теле найдено не было. Жертва, согласно экспертизе, была «удушена мягким предметом». Ни о каком «источении» крови речи идти не могло. Свидетельские показания зачастую касались темы крови как привычной реминисценции фантомных ритуальных обрядов [12, с. 52]. В одном из показаний свидетельница обвинения Синицына утверждала, что подсудимая Лоцова отдала ей через месяц после пропажи убитой рубашку со следами крови. А свидетельница Иванова поведала драматическую историю о евреях, которые плотоядно смотрели на Марию и приговаривали: «Кошер» [Там же, с. 94]. Однако все попытки свести процесс к «кровавому навету» пресекались не только защитой, но и обвинением.

Возникла очень своеобразная и запутанная ситуация. С одной стороны, дело приобретало не классическую бытовую, а ритуальную окраску. С другой – формы и нарратива «бескровного» ритуала не существовало. И в «Люцинском деле» впервые в российской судебной практике непосредственно ритуал был заменен на ритуальную мотивацию. Так, выступавший на процессе прокурор Дейтрих озвучил два классических обвинения евреев, связанные с их конфессиональной принадлежностью, но не затрагивающие проблемы «кровавого навета». Во-первых, это якобы крайне отрицательное и даже жестокое отношение евреев к христианству. Этот распространенный миф затем присутствовал практически во всей правой пропаганде в начале XX века и стал одним из мотивов в деле Бейлиса [7]. Христиане в нем, согласно такой инверсивной подаче, являются постоянными жертвами со стороны евреев, некой обороняющейся от иудейского насилия стороной, в том числе и физического. Как уже отмечалось, по мнению прокурора и ряда свидетелей, убийство Марии Дрич, совершенное группой евреев ночью, при зажженной свече, было неким ритуальным наказанием за ее связь с сыном подсудимого Янкелем Лоцовым.

Во-вторых, это вопрос еврейской религиозной замкнутости и сплоченности. Повсеместно в христианской, да и в правительственной среде, была распространена мифологема о крайне жестоком, зачастую с летальным исходом, наказании за обращение из иудаизма в христианство. Вполне вероятно, что плодородной подпиткой такого мифа были и рассказы самих выкрестов, поднимавших значение своего поступка в новом социоконфессиональном окружении. Как бы то ни было, данный миф достаточно прочно утвердился среди христианского окружения евреев. Прокурорская речь прямо опиралась на этот миф в мотивации преступления. «Вам, г. Присяжные заседатели, живущим среди еврейского населения, известно, какое сопротивление оказывают евреи, когда кто-нибудь из их единоверцев желает принять христианство; вы знаете, что таких людей приходится охранять, увозить, потому что раз попав в еврейские руки, то исчезают бесследно. <...> Еврей лучше готов увидеть своего сына или дочь в гробу, чем изменившим веру своих отцов. <...> Тут надо либо лишить сына, или нужно уничтожить христианку. Последнее выгоднее» [12, с. 78]. Такой была мотивация убийства в конце XIX века. И для обвинения она казалась естественной и логичной.

Правовой основой возникновения «Люцинского дела» стала всясьма консервативная система семейно-брачных отношений в Российской империи. Условия вступления в брак в России на протяжении веков устанавливались Церковью, однако в имперский период государство стало активно вторгаться в данную сферу. Естественно, возникал вопрос о смешанных браках. Российскому правительству необходимо было не вызывать сопротивления местного населения, но при этом унифицировать законодательство. Введение гражданской формы брака и развода могло бы значительно упростить решение данного вопроса.

19 апреля 1874 г. были изданы Правила, по которым беспоповцам было разрешено регистрировать браки в полицейских участках. В Правилах прямо было закреплено, что «браки раскольников приобретают в гражданском отношении, через записание в установленные для сего метрические книги, силу и последствия законного брака» [2, с. 653]. Согласно пункту 11 Указа от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» старообрядцы и сектанты были уравнены в правах с инославными относительно заключения браков с православными. Гражданская же форма брака была введена большевиками 20 декабря 1917 г. и была воспринята российскими гражданами абсолютно спокойно [6].

Очевидно, что до этого о браках между представителями христиан и нехристианских конфессий вообще не могло идти речи. В XIX веке правительство, стимулируя переход евреев в православие, разрешало, в случае крещения одного из супругов, сохранить брак, но с условием принятия малолетними детьми православия. В случае такой гипотетической ситуации, которая была озвучена на процессе, единственной возможностью

вступить в брак было крещение Янкеля Лоцова. Переход в иудаизм Марии Дрич повлек бы за собой уголовную ответственность за «отпадение» от христианства. Однако интересно отметить, что, как и предыдущие ритуальные процессы, рассматриваемое дело опосредованно «маркирует» проблемы, связанные с российскими сектантами. Ритуальные процессы в Российской империи играли своеобразную «оградительную» роль в борьбе с девиациями внутри христианского населения империи, в которой раскол и сектантство приобретали широкий размах [16, с. 221].

«Люцинское дело» нашло свое отражение и в хрестоматийном для ритуальных процессов XX века труде Ипполита Лютостанского «Талмуд и евреи». В этом фундаментальной антисемитской работе, активно использовавшейся и в «Деле Бейлиса», были собраны и систематизированы практически все антиеврейские мифы и тексты. Делу об убийстве Марии Дрич посвящена глава в разделе, касающемся отношения евреев к выкрестам [10, с. 426-436]. Вообще, работа Лютостанского значительно расширила понятие ритуала в российской публицистике. «Кровавый навет» был лишь одной, хотя и важной, частью обрядовой мифологемы, приписываемой иудеям. Сложный и многогранный фантом еврейских ритуалов стал демоническим инструментом мифической борьбы евреев за мировое господство. Грамотно фальсифицированные факты создавали и создают достаточно логичную и страшную картину. Лютостанский уже прямо называет «Люцинское дело» ритуальным, тем самым закрывая еще одну «наветную» нишу, прямо не связанную с «кровавой» парадигмой. Работы Лютостанского интересны, в первую очередь, тем, что являются некой «энциклопедией ритуальных мотиваций» правых, во многом инспирировавших подобного рода процессы.

Локальным стимулятором рассматриваемого дела стала и социальная диспропорция, возникавшая при найме евреями христианской прислуги. В России не существовало понятия найма в обычном для Западной Европы значении, при котором оформлялись четко закрепленные договорные начала. Любой поступивший в наем на работу или на службу во многом становился зависимым человеком. И хотя зависимость не была закреплена законом, но в обыденном сознании и поведении она сохранялась повсеместно. Страх перед гипотетическим закабалением инородцами становился хорошей почвой для возникновения ксенофобии. Эта гипертрофированная формула очень четко прослеживается в отношениях местного населения и евреев. Последние принадлежали к зажиточной категории, которая занимала высокую экономическую нишу. Еврей, находившийся на социальной лестнице в самом низу, становился для русского или просто представителя христианской конфессии, занимавшего более высокое положение в общественной иерархии, господином. Это была неестественная смена социальных позиций, приводила к трагическим последствиям. Достаточно низкий уровень образования, узкое территориальное мировоззрение среднестатистического российского обывателя давали возможность экстраполировать частную, и без сомнения гипертрофированную, ситуацию на общероссийский уровень.

Правая пресса, естественно, не могла не воспользоваться таким прецедентом. Ужасы жизни христианской прислуги у евреев живописал и упоминавшийся нами Ипполит Лютостанский. Факты, как и в предыдущих разделах его труда, без сомнения, были передернуты. Однако стоит отдать должное тому, как тонко и логично вплетены различные истории в общую канву еврейского религиозного «экстремизма», придавая этому вопросу социально-религиозный оттенок: «...прислуга превращается в раба, во вьючное животное, доведенное до изнеможения непосильной работой; если она умна – ей неизбежно приходится лицемерить и лгать, падая все ниже и ниже в нравственном отношении. <...> Сколько тысяч “еврействующих” есть и ныне среди христиан, служащих у евреев, и сколько тысяч русских душ, испорченных евреями, с расшатанными религиозными и нравственными чувствами, ставших безразличными к своей родине <...> В такой школе воспитываются сотни тысяч русского пролетариата, из которого постепенно, но неуклонно подготавливается гангренозный нарост в народном организме. Так из года в год – здоровая народная русская кровь вливается в этот гангренозный нарыв, отравляется и разносит заразу по всему организму... А сколько тысяч кротких, наивных и простодушных русских людей попали на всю жизнь к евреям в это рабство, в крепостническую кабалу...» [11, с. 514].

Мотив этот прослеживается и в стенограмме заседания суда, и в речи прокурора. Совращенная хозяйским сыном Мария Дрич, догадывавшаяся о своем трагическом конце, якобы заявляла одной из свидетельниц, «что не пережить ей этой ночи». Однако, когда та зашла за ней, чтобы увести прочь, жертва послушно осталась в доме предполагаемых убийц после окрика хозяев. И это за несколько часов до ожидаемой смерти. Не вдаваясь в бредовые показания неграмотной свидетельницы, которые опроверг адвокат князь Урусов, важно отметить красочность и силу этого социального мифа.

Симптоматично, и как закончилось судебное дело в отношении Лоцовых. Суд присяжных оправдал обвиняемых. Однако у дела было продолжение. Лютостанский приводит в своей уже упоминавшейся работе сенатское решение на кассацию прокурора Витебского окружного суда. 5 июня 1885 года 1-ое отделение уголовного кассационного департамента Правительствующего сената отменило решение суда присяжных [10, с. 435]. Лютостанский в своих трудах выдергивал факты из контекста, давал фантазмагорические интерпретации и многое другое. Однако прямой фальсификации и вымысла он старался не допускать. Поэтому дальнейшее исследование самого судебного процесса далеко от завершения. Тем не менее нам было важно рассмотреть в работе, как абсолютно бытовой прецедент через призму социальных, правовых, культурных, политических и конфессиональных аспектов инкорпорировался в судебную систему в виде ритуального нарратива.

Список литературы

1. Баранов А. Н. Воспоминания о мултанском деле // Вестник Европы. 1913. № 9.
2. Высочайше утвержденные Правила о метрической записи браков, рождения и смерти раскольников от 19 апреля 1874 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Т. XLIX. Отделение I. № 53391.
3. Гессен Ю. И. Из истории ритуальных убийств: велижская драма. СПб., 1904.
4. Дамасское ритуальное убийство: протоколы судопроизводства по делу об исчезновении капуцина отца Фомы и его слуги Ибрагима Амара в Дамаске в 1840 г. Харьков, 1913.
5. Дело Давида Блондеса // Судебные драмы. 1901. № 5.
6. Дорская А. А. Гражданский брак в Российской империи: историко-правовой аспект [Электронный ресурс]. URL: <http://www.advocate-realty.ru/press/unitpress/?id=394405> (дата обращения: 29.01.2012).
7. Замысловский Г. Г. Убийство Андриюши Юшинского: речь в Киевском окружном суде 24 октября 1913. СПб., 1914.
8. Кутаисский процесс: дело о похищении и умерщвлении евреями крестьянской девочки Сары Модебадзе: стенографический отчет. СПб., 1879.
9. Левинсон П. «Саратовское дело» об убийстве двух мальчиков с религиозной целью // Журнал гражданского и уголовного права. 1880. № 2.
10. Лютостанский И. Талмуд и евреи. М., 2009. Т. 1.
11. Лютостанский И. Талмуд и евреи. М., 2009. Т. 2.
12. Лютинское дело по обвинению Лоцовых, Гуревича и Манх в убийстве Марии Дрич: стенографический отчет. СПб., 1885.
13. Тагер А. С. Царская Россия и дело Бейлиса. М., 1996.
14. Тисса-Эсларское дело // Русский еврей. 1882. № 26.
15. Тривус М. Ритуальные процессы дореформенного русского суда // Еврейская старина. 1912. № 5.
16. Хасин В. В. Интеграция «ритуальных» мифологем в общественную ментальность и историческую память российского социума в XIX-XX веках // История и историческая память. Саратов, 2010. Вып. 1.

**“RITUAL” MOTIVATION FORMATION METHODS IN RUSSIAN LEGAL PROCEEDINGS
AT THE TURN OF THE XIXTH-XXTH CENTURIES: “LYUTSINSKII CASE”**

Vladimir Viktorovich Khasin, Ph. D. in History
Department of Native History in Modern Times
Saratov State University
hasin1@rambler.ru

The author studies the social, legal and confessional aspects of “ritual” mythologemas integration into the Russian legal proceedings system, and discusses “Lyutsinskii case” - a unique phenomenon among such kind of famous proceedings, where the lack of “blood slander” narrative was compensated with religious intolerance myths and family-marital relations features.

Key words and phrases: ritual proceeding; legal proceedings; blood slander; confession; family-marital relations.

УДК 347.9

Статья посвящена актуальнейшей проблеме российского государственного строительства – историческому осмыслению роли и места низовой юстиции в становлении местного самоуправления в России. Автор раскрывает понятие низовой юстиции, её состав. Особое внимание в статье обращается региональному аспекту – формированию данного института в Якутии и на Дальнем Востоке. На основе анализа истории формирования низовой юстиции и её взаимодействия с органами местного самоуправления делаются новые выводы и предложения.

Ключевые слова и фразы: низовая юстиция; местное самоуправление; органы местного самоуправления; национальное самоуправление; корпоративное самоуправление; российский восток.

Борис Григорьевич Хачатурян, к. ист. н., доцент
Кафедра государственно-правовых дисциплин
Российская академия правосудия (Дальневосточный филиал)
hach5@rambler.ru

НИЗОВАЯ ЮСТИЦИЯ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ (К ИСТОРИИ ВОПРОСА)®

Несмотря на проведенные изменения в российской судебной системе в 90-е годы XX-го столетия, в России и по сегодняшний день (второе десятилетие XXI в.) не утихают разговоры о необходимости дальнейших её изменений, приближении к конкретному человеку.